

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Филичева Вера Владимировна

**КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ И КРУГ ЧТЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПИСАТЕЛЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2020

Работа выполнена в Рукописном отделе ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук»

Павлова Маргарита Михайловна

Официальные оппоненты:

Богомолов Николай Алексеевич

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Сажин Валерий Николаевич

Кандидат филологических наук

Ведущая организация:

ФГБУ «Российская национальная библиотека»

Защита диссертации состоится «___» _____ 2020 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор филологических наук С. А. Семячко

Общая характеристика

Диссертационное исследование посвящено рассмотрению книжного собрания и круга чтения Ф. Сологуба и их роли в изучении его жизни и творчества.

Сохранившееся книжное собрание писателя – это всегда большая удача и находка для исследователя. Личная библиотека способна помочь не только в характеристике интересов и читательских предпочтений владельца, но и в изучении его отношений с современниками. Дарительные надписи и маргиналии нередко становятся единственными документальными свидетельствами знакомства писателя с определенными людьми и литературными произведениями.

Одна из общеметодологических проблем литературоведения – значение книги для писателя: «книги делаются из книг». Библиотека и чтение у представителей символистского направления русской культуры имеют беспрецедентное значение. Для русского символизма, одним из столпов которого был Ф. Сологуб, характерен пафос пересоздания культурной парадигмы, что влекло за собой проработку предшествующей традиции, поэтому так важна книга, культура чтения, цитаты, библиотека.

В случае Ф. Сологуба, творчество которого непрерывно находится в поле зрения изучающих культуру и литературу конца XIX – начала XX века, в распоряжении исследователей оказался не только список книг из его собрания (не полный, ограниченный временными рамками 1892–1912 годов), но и сами экземпляры из личной библиотеки писателя, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Библиотека Сологуба, наряду с личным архивом, также находящемся в Пушкинском Доме, является одним из инструментов для изучения биографии, творчества, круга чтения писателя, его взаимоотношений с современниками.

Об актуальности диссертационного исследования свидетельствует все возрастающее внимание к проблеме личных библиотек, выходят труды,

нацеленные на описание или реконструкцию состава книжных собраний, изучение отдельных экземпляров с маргиналиями и дарительными надписями (работы Н. А. Богомолова, Н. Ю. Грякаловой, О. Н. Ильиной, В. Е. Кельнера, О. П. Новиковой, Г. В. Обатнина, Н. Н. Шаталиной и др.).

Степень разработанности проблемы. В 1997 году Н. Н. Шаталина опубликовала материалы Рукописного отдела Пушкинского Дома, относящиеся к библиотеке Сологуба. Ею же было составлено «Описание библиотеки Ф. Сологуба», которое хранится в Рукописном отделе на правах рукописи. Работы Шаталиной активно используются исследователями, занимающимися изучением литературы русского модернизма и творчества Сологуба, при этом его библиотека в целом еще не становилась предметом комплексного рассмотрения. Кроме того, с момента составления Описания были обнаружены несколько десятков неучтенных в нем книг, находящихся в библиотеке Пушкинского Дома.

Объектом исследования в диссертационной работе является книжное собрание и круг чтения Ф. Сологуба.

Предмет исследования – книжное собрание и круг чтения как инструмент изучения жизни и творчества писателя.

Цель настоящей работы – определить особенности книжного собрания и круга чтения Ф. Сологуба на разных этапах формирования его библиотеки и функционирование связанных с ними тем и образов в творчестве писателя.

Цель работы определяет конкретные **задачи исследования:**

– дополнить описание библиотеки Сологуба, предпринятое Н. Н. Шаталиной;

– дополнить новыми источниками имеющиеся сведения о формировании книжного собрания Сологуба, вписать их в круг материалов, актуальных для изучения биографии и творчества писателя;

– выявить особенности книжного собрания Сологуба (в том числе в сопоставлении с библиотеками современников писателя);

- проанализировать характер маргиналий на книгах из личной библиотеки писателя;
- каталогизировать книги с дарительными надписями из библиотеки Ф. Сологуба и проанализировать их в контексте биографии писателя;
- определить место книжного собрания в изучении круга чтения Сологуба и выделить основные проблемы и направления его изучения;
- охарактеризовать специфику отражения круга чтения писателя в его художественной прозе.

Материалом диссертационного исследования являются книги из библиотеки Сологуба и документы его архива (РО ИРЛИ), относящиеся к библиотеке; биографические и творческие материалы (письма, черновики; рукописи других лиц, отложившиеся как в фонде писателя в Пушкинском Доме, так и в ЦГАЛИ СПб., РГАЛИ и др.); тексты прозаических произведений Сологуба, отражающие его круг чтения, представление о литературе, литературном процессе и читателе.

Методологическая основа исследования. Для решения поставленных задач были использованы описательный метод, позволяющий последовательно изучить и систематизировать имеющиеся сведения о книжном собрании; и биографический метод, применявшийся при аналитическом описании дарительных надписей. При рассмотрении конкретных текстов были использованы приемы интертекстуального анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Описание библиотеки Сологуба, которое можно составить по материалам книжного собрания писателя, относится к смешанному типу реконструкций библиотек, так как опирается на «Журнал Ф. Сологуба с перечнем книг, которые были ему подарены авторами, с копиями их автографов» (т. е. список книг, принадлежавших писателю) и издания из владельческого собрания, находящиеся в составе библиотеки Пушкинского Дома. При этом опубликованный Н. Н. Шаталиной список под названием

«Сборники стихотворений оригинальных и переводных, на русском языке», затем включенный ею в «Описание» библиотеки Сологуба, не отражает состава библиотеки и не должен учитываться исследователями.

2. Пометы на сохранившихся книгах из личной библиотеки Сологуба свидетельствуют об эмоциональной скудости маргиналий в противоположность распространенному представлению и свидетельствам мемуаристов о «чтении с карандашом». В них отразилось, главным образом, пристальное внимание Сологуба к стилистическому аспекту при редактировании чужих переводов.

3. Библиотека Сологуба отражает стратегии его поведения в литературном поле. Имеющиеся в нашем распоряжении инскрипты отчетливо соотносятся с определенными периодами жизни писателя, характеризуют процесс его вхождения в литературное сообщество и закрепления в нем, свидетельствуют о постепенном изменении круга общения, литературного окружения и его литературной репутации.

4. В художественной прозе Сологуба выделяется группа героев-читателей, наделенных автобиографическими чертами: детей, поэтов и шире – художников, способных усваивать, творчески перерабатывать, интерпретировать прочитанные тексты и создавать на их основе новые. Такой взгляд на «свое» и «чужое» не раз декларировался самим Сологубом. Через героя-читателя писатель транслирует собственный взгляд на природу плагиата, понимаемого им как художественное заимствование – творческое освоение и переосмысление литературных источников.

5. Имена А. П. Чехова и Л. Н. Толстого, чаще других писателей называемые в произведениях Сологуба, свидетельствуют не только об устойчивом интересе к их творчеству, но и одновременном отталкивании. В восприятии Сологуба Чехов и Толстой являются представителями одного направления, оба оказываются неразрывно связанными между собой в его художественной прозе, при этом открыто Сологуб спорит с Толстым, а полемика с Чеховым остается в подтексте.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном подходе к изучению книжного собрания и круга чтения Сологуба: прослежена история формирования и поступления книжного собрания библиотеки писателя в Пушкинский Дом, ее состав и основные направления ее изучения. Творчество Сологуба рассмотрено в контексте его отношения к книгам, чтению и литературным заимствованиям.

Изучение личных библиотек писателей носит пока разрозненный характер, каждая библиотека уникальна, а ее особенности влияют на избираемое направление исследования, т. е. оно зависит от имеющегося конкретного материала. Поэтому **теоретическая значимость** работы связана с возможностью ее использования как методологической модели для исследования крупных книжных собраний писателей.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории русской литературы. Выявленные интертекстуальные связи и уточненные факты творческой биографии писателя могут быть учтены при подготовке Полного собрания сочинений Сологуба и иных научных изданий его произведений, а также в исследовательских работах, посвященных жизни и творчеству литераторов начала XX века.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах на XVII научных Алексеевских чтениях (Санкт-Петербург, 2014), IV, V и VI Международных конференциях «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, 2015; 2016; 2017). По теме исследования, в том числе по материалам докладов, опубликованы 8 статей.

Структура работы определяется поставленными задачами; исследование включает в себя введение, три главы, заключение и приложение.

Основное содержание работы

Во **Введении** рассматриваются особенности изучения личных библиотек писателей, в том числе на примере книжных собраний, хранящихся в Пушкинском Доме. Сформулированы цели и задачи исследования, обоснована его актуальность.

В первой главе «Личная библиотека Ф. Сологуба в Пушкинском Доме» дается характеристика книжного собрания Сологуба: определяется ее статус, реконструируется ее история, описывается ее поступление в Пушкинский Дом, а также выявляются некоторые особенности в сопоставлении с библиотекой А. А. Блока.

В § 1.1 «История книжного собрания Ф. Сологуба» посвящен формированию библиотеки писателя.

Книжное собрание Сологуба по типу формирования – личная библиотека, которую характеризует принцип отбора документов – «по смысловому содержанию, тематике», а не по формальным признакам, существенным для коллекционеров и библиофилов; книги воспринимались Сологубом не как коллекция, а как рабочий инструмент. В библиотеке Сологуба сохранились экземпляры, принадлежавшие сестре писателя О. К. Тетерниковой и его жене Ан. Н. Чеботаревской, поэтому при классификации по составу к этому собранию применимо определение «домашняя библиотека».

В детстве и юности Сологуб не имел возможности составлять собственную библиотеку, также недоступны и неустановимы издания, находившиеся тогда в поле зрения писателя. В этот период Сологуб пользовался библиотекой Агаповых, у которых жил до поступления в учительский институт, и книжным собранием филолога и библиофила Ф. А. Витберга (мужа Г. М. Агаповой).

Начало формирования библиотеки можно отнести к 1890-м годам, когда у писателя появилась возможность приобретать книги и хранить их. Пополнение происходило не только путем покупки изданий, но и получения

книг в дар от различных авторов. Обмен книгами Сологуб инициировал сам: в 1896 году, в начале своей литературной карьеры, после выхода первой книги стихов (декабрь 1895) и вслед за ней – второй (октябрь 1896) писатель начал рассылать издания по редакциям журналов и газет для отзыва и своим знакомым; книги также отправлялись лично не знакомым, но широко известным в литературно-художественной и музыкальной среде лицам, среди которых были Н. А. Римский-Корсаков, И. Е. Репин, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др. С некоторыми корреспондентами обмен книгами сохранялся на протяжении многих лет (А. А. Коринфский, В. В. Уманов-Каплуновский, З. А. Венгерова, В. Я. Брюсов и др.). Такой подход способствовал не только пополнению библиотеки, но и налаживанию контактов с другими литераторами. Позднее собрание пополнялось книгами издательств, в которых сотрудничали Сологуб и Чеботаревская («Универсальная библиотека», «Всемирная литература», «Мысль»), а также книгами, присылаемыми начинающими поэтами и писателями.

Экслибрисы появлялись у Сологуба дважды (работа Н. К. Калмакова 1906 года и В. Е. Григорьева-Додди 1921 года), однако он, по-видимому, их не использовал. Сологуб предпочитал отмечать книги на обложке и титульных листах собственными инициалами «Ф. С.». Эти отметки позволяют однозначно атрибутировать экземпляры из личной библиотеки писателя в Пушкинском Доме, а также в других собраниях (к примеру, в коллекции М. С. Лесмана, ныне хранящейся в Музее Анны Ахматовой). Во владельческий переплет с вытисненными на корешке инициалами «Ф. Т.» были помещены лишь немногие издания – полные собрания сочинений Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, отдельные книги Н. М. Минского, Д. С. Мережковского, П. Верлена.

Частые переезды писателя с квартиры на квартиру в течение жизни (7 раз) и, возможно, необходимость продавать книги (после 1917 года) не способствовали сохранению библиотеки во всей полноте, о чем свидетельствует отсутствие в Пушкинском Доме изданий, отмеченных в

«Журнале...», а также некоторых изданий, которые имелись у Сологуба, о чем свидетельствуют воспоминания современников.

В § 1.2 «Поступление библиотеки в Пушкинский Дом и ее изучение» прослеживается процесс передачи книжного собрания Сологуба в Пушкинский Дом и описаны шаги, предпринятые к ее описанию.

Архив Сологуба поступал в Пушкинский Дом вместе с библиотекой. История этого поступления в части, касающейся архива, зафиксирована в документах Санкт-Петербургского филиала Архива Академии наук (ф. 46) и представлена в монографии Т. Г. Ивановой «Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк». В отличие от бумаг Сологуба и мемориальных предметов, свидетельства о передаче библиотеки и синхронных ей попытках описания этих материалов в большей степени разрозненны. В диссертационном исследовании приводится обзор документов, которые относятся к этому процессу и должны быть учтены при реконструкции библиотеки.

Сологуб ушел из жизни 5 декабря 1927 года, не оставив прямых наследников, свое имущество и архив он завещал сестрам Ан. Н. Чеботаревской (1876–1921) – О. Н. Черносвитвой и Т. Н. Чеботаревской. Архив оппозиционного власти писателя необходимо было защитить от возможного ареста и ликвидации: желание Сологуба передать свои материалы в Пушкинский Дом пришлось доказывать посредством заявлений Р. В. Иванова-Разумника и П. Е. Щеголева. В декабре 1927 года Иванов-Разумник и сотрудник Пушкинского Дома Д. М. Пинес при участии О. Н. Черносвитовой начали разбирать архив, а 25 апреля 1928 года рукописные материалы, а также предметы мебели из кабинета писателя были переданы в Пушкинский Дом.

О библиотеке в документах упоминается дважды. В акте от 10 декабря называется общее количество книг, имеющихся у Сологуба, – 2278 изданий – и сообщается, что полная опись поручается представителю Литературного фонда Е. М. Лаганскому (не обнаружена). В протоколе заседания правления

Литфонда с докладом Иванова-Разумника, составившего краткое описание библиотеки Сологуба, указываются уже 2539 томов, размещавшихся в девяти шкафах. Известно также, что в 1939 и 1942 годах библиотека и архив писателя были дополнены материалами, поступившими от О. Н. Черносвитовой.

Помимо экземпляров, отмеченных инициалами Сологуба, при изучении его книжного собрания Н. Н. Шаталиной были использованы документы из архива писателя. Первый – «Журнал Ф. Сологуба с перечнем книг, которые были ему подарены авторами, с копиями их автографов» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 59). Он представляет собой инвентарную книгу, которая включает 1363 наименования и велась с 1907 до 1912 года. Сначала Сологуб заносил в него издания с дарительными надписями, которые ему были подарены в период с 1892 по 1907 год. Далее он был дополнен списком книг в алфавитном порядке, приобретенных в те же годы. С января 1908 года писатель начал вести записи приобретаемых книг в хронологическом порядке. Вторым документом, который считался относящимся к библиотеке, – машинописный реестр «Сборники стихотворений оригинальных и переводных, на русском языке», доведенный до записи «П. А. Катенин» и включающий 498 единиц. Составленный в неустановленное время после 1912 года (Там же. № 103), перечень состоит большей частью из книг XVIII–XIX веков. Эти два документа (с отметками изданий, находящихся в библиотеке Пушкинского Дома) были опубликованы Н. Н. Шаталиной как материалы к описанию библиотеки писателя (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 435–521).

Позднее Шаталиной было подготовлено описание, которое не было доведено до печати и ныне хранится в фонде Сологуба на правах рукописи (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 184). В нем названные выше списки были дополнены перечнем книг Сологуба и Чеботаревской из библиотеки Пушкинского Дома, приобретенными писателем после 1912 года и потому не зафиксированными в «Журнале...». «Описание», выстроенное в алфавитном

порядке, состоит из 2300 наименований на русском языке и 229 наименований на иностранных языках, а также именного и тематического указателей. В процессе подготовки диссертационного исследования это описание было проверено и дополнено выявленными в библиотеке Пушкинского Дома изданиями.

В § 1.3 «Состав библиотеки Ф. Сологуба» устанавливается количество изданий в книжном собрании, дается описание особенностей собрания и рассматривается его тематическое разнообразие, а также опровергается статус машинописного перечня «Сборники стихотворений...» как источника для реконструкции библиотеки.

При внимательном изучении машинописи и сопоставлении ее с «Журналом...» и наличными книгами возникают сомнения в ее происхождении и назначении, так как указанные в ней издания почти не пересекаются с составом «Журнала...» и с выявленными в библиотеке. Из изданий 1800–1850-х годов в «Журнале...» отмечены только четыре. Это было бы невозможно, если бы все книги из числа упомянутых в машинописи действительно находились в собрании Сологуба. Поэтому в исследовании не учитывается перечень «Сборники стихотворений...», ранее ошибочно считавшийся фрагментом описания библиотеки.

Тематически книги можно разделить на несколько групп: самая обширная – художественная литература (собрания сочинений, отдельные произведения литературы XVIII–XIX веков и современников). Другие, не такие обширные (не насчитывающие обычно и ста изданий) – «математика», «медицина», «воспитание, образование», «взаимоотношения полов», «ботаника», «религия», «социальное устройство общества», «революция», «театр», «Франция» (история Франции и книги о французской литературе).

В книжном собрании Сологуба, как во всякой домашней библиотеке, сохранились книги, приобретаемые не писателем, а другими членами его семьи: Во-первых, это издания, принадлежавшие сестре Сологуба Ольге Кузьминичне (1865–1907), которая была акушеркой, они составляют пласт

литературы медицинской направленности; во-вторых, книги жены – Анастасии Николаевны Чеботаревской (на титульных листах и обложках проставлены инициалы «АСЧ») – художественная литература, книги на французском языке, бóльшая часть литературы по изобразительному искусству.

Эти издания должны учитываться при изучении круга чтения писателя. Например, даже если издания по таким темам, как «анатомия и физиология человека», «гигиена и диетика», «психопатология», «гимнастика», оказались у Сологуба благодаря сестре, – о том, что они были нужны и Сологубу, свидетельствуют несколько фактов. Часть книг по медицине не была исключена из «Журнала...», как это было сделано в ряде других случаев (книги вычеркивались карандашом и подписывались «Искл.»). Также они входили в список, озаглавленный «Материалы изучения», составленный в июле 1891 года, в архиве писателя имеются выписки из подобных книг на карточках и разрозненных листах в папках с планами и черновиками среди рабочих материалов.

Помимо изданий по точным наукам (они интересовали Сологуба и после завершения педагогической деятельности) в библиотеке содержались издания по психологии, педагогике, логике.

Физические характеристики экземпляров характеризуют тип библиотеки. По большей части книги хранились у Сологуба в том виде, в котором они были приобретены. Владельческий переплет, защищающий их от ветшания, сохранился от прежних держателей. Большинство изданий в библиотеке – современные Сологубу массовые издания. Полное собрание сочинений Достоевского (издание А. Ф. Маркса), к примеру, переплетенное по заказу Сологуба, является бесплатным приложением к журналу «Нива». Все это свидетельствует о том, что в книгах Сологуб выделял не коллекционные качества (редкость, оформление, аппарат), а содержание. Библиотека воспринималась Сологубом не как библиофильское собрание, но

как рабочий материал, а ценность книги как таковой определялась не ее физическими характеристиками.

На данный момент, после исключения из состава библиотеки Сологуба изданий, указанных в машинописном перечне, и дополнения его книгами, выявленными в библиотеке ИРЛИ, в реконструкции библиотеки насчитывается более 2300 книг на всех языках, из них сохранились в библиотеке – 1180.

В § 1.4 «Книжное собрание Ф. Сологуба и библиотека А. А. Блока» проводится сопоставление между библиотеками писателей (состав, история, хранение в библиотеке Пушкинского Дома), рассматриваются принципы подготовки их описаний.

При сравнении книжных собраний необходимо учитывать разницу в происхождении, воспитании, социальном положении и окружении семьи, образовании владельцев, что опосредованно сказывается и на составе библиотек. Блок рос в большой дворянской семье, и у него был совсем другой, чем у Сологуба, более широкий круг общения с детства. К примеру, наличие в описании библиотеки Сологуба книг по ботанике характеризует его личные пристрастия, а не влияние семьи, как у Блока, внука А. Н. Бекетова – профессора ботаники, ректора Петербургского университета.

Редкость переплета и помет у Сологуба обращает на себя внимание особенно в сопоставлении с аналогичными характеристиками книг библиотеки Блока. Известно, что Блок много переплетал сам, а число помет в экземплярах книг его библиотеки огромно.

Библиотека Блока хранится в Пушкинском Доме отдельно от основного фонда, книги из нее не выдаются на дом, т. е. она имеет статус мемориальной, между тем книги из собрания Сологуба находятся в общем фонде, и никак структурно не выделены.

Обе библиотеки сохранились не полностью, однако реконструкция блоковского собрания более точная, так как охватывает больший период

времени: записи книг Сологубом велись до 1912 года, а Блоком – до конца жизни. В описании библиотеки Блока 2672 пункта (в это число входит и 1573 издания, местонахождение которых не установлено; отдельно не учитываются многотомные издания и дублетные экземпляры), т. е. число известных на сегодняшний день книг обоих писателей примерно одинаково.

Наиболее показательным, с нашей точки зрения, является сопоставление наличия книг писателей-современников. Мы провели его на примере фрагмента описаний (Грабарь – Гюлистан), при сравнении которых наглядно стали видны сходства и различия библиотек. Так, у Блока оказались восемь изданий Н. Гумилева (в том числе три с дарительными надписями), два – Е. Гуро, у Сологуба их нет; издание Грааля-Арельского у Блока с дарительной надписью, у Сологуба – без; в то же время среди книг Сологуба были книги с надписями В. М. Грибовского (с дарительной надписью от поклонника) и Е. А. Грековой (три книги повестей и рассказов 1916–1923 годов, одна из которых с надписью). Отличается и выбор изданий литературы писателей-предшественников – у Блока: Т. Н. Грановский, А. С. Грибоедов, А. А. Григорьев, Ф. Грильпарцер, братья Я. и В. Гримм, избранные произведения грузинских поэтов, В. Гумбольдт, В. Гюго. У Сологуба из них представлены – Грибоедов, Григорьев, по одной книге Грильпарцера и Гюго (издания «Всемирной литературы»), но есть отсутствующие у Блока издания Е. Гребенки и Д. В. Григоровича. Этот набор говорит не только о вкусах и пристрастиях писателей, но и отчасти о их литературном труде. Большое количество изданий А. Григорьева, а также «Материалы для биографии» в библиотеке А. Блока связаны с его работой над избранными «Стихотворениями» поэта.

Обращает на себя внимание и то, что имеющееся в книжном собрании Сологуба издание И. Грабаря «История русского искусства» (неполный комплект – отсутствуют выпуски 3, 23) принадлежало не ему, а Ан. Чеботаревской (важной сферой профессиональной деятельности жены писателя была художественная критика). Книги по искусству больше

интересовали Блока, в собрании же Сологуба они зачастую появлялись именно благодаря интересам жены. Так, инициалами «АСЧ» отмечены книги П. Гогена, издания С. Маковского и др. Из художественных изданий только одно отмечено на титульном листе знаком «Ф. С.»: «История живописи всех времен и народов. Ч. 1. Пейзажная живопись» А. Н. Бенуа (СПб., 1912–1913). Серия собрана не полностью, но самое главное – разрезаны только первые два выпуска, в то время как Блок владел всеми и, судя по количеству помет, читал их с интересом.

Рассмотрев историю формирования библиотеки писателя, процесс поступления книжного собрания Сологуба в Пушкинский Дом, охарактеризовав состав библиотеки, в том числе ее особенностей в сопоставлении с книжными собраниями писателей-современников на примере А. Блока, мы сформулировали общие проблемы изучения данного книжного собрания.

Вторая глава «Книги из личной библиотеки Ф. Сологуба как документ» посвящена рассмотрению отдельных изданий из собрания писателя, сохранившихся в библиотеке Пушкинского Дома, в двух аспектах – маргиналии Сологуба и дарительные надписи иных лиц.

В § 2.1 **«Книги с маргиналиями в библиотеке Ф. Сологуба»** описываются характерные особенности помет на книгах из книжного собрания Сологуба. В особую категорию выделяются маргиналии, принадлежащие другим лицам: прежде всего Ан. Чеботаревской. Владельческие отметки на обложках и титульных листах книг не могут однозначно свидетельствовать об атрибуции отчеркиваний в тексте и на полях.

Пометы Чеботаревской отличаются большей эмоциональностью по сравнению с маргиналиями Сологуба. Они различаются и по тематике изданий – изобразительное искусство, «женский вопрос», французская революция и т. д. Нетрудно отличить и маргиналии сторонних читателей – по

почерку, новой орфографии, чернильным пометам (Сологубу было свойственно читать книгу с карандашом, обычно синего, реже красного, цвета).

Несмотря на свидетельства мемуаристов, указывающие на характерное Сологубу «чтение с карандашом», в сохранившейся и известной на данный момент части библиотеки писателя оказалось не так много маргиналий. Исключение составляет статья Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Идея бесконечного в положительной науке и в реальном искусстве» в книге «Вопросы теории и психологии творчества» (Харьков, 1907). В записях на полях отразилось категорическое несогласие Сологуба с положениями критика. Основная же часть немногочисленных маргиналий в других изданиях была вызвана редакторской и переводческой работой писателя, в особенности в период сотрудничества с издательством «Всемирная литература» и последующие годы.

В § 2.1.1 «Маргиналии на книге переводов В. Брюсова из П. Верлена» анализируются пометы Сологуба, сохранившиеся на сигнальном экземпляре «Собрания стихов» П. Верлена из собрания Пушкинского Дома (М., 1911).

Этот экземпляр с частично отсутствующими листами и переплетенный без соблюдения последовательности страниц, был использован Сологубом в качестве черновика для подготовки несостоявшегося совместного с Брюсовым издания Верлена (при этом в библиотеке сохранился экземпляр с дарительной надписью переводчика).

Обратившись к переводам Верлена почти одновременно, Сологуб и Брюсов стали своеобразными соперниками в переводах поэзии французского поэта. Книги Брюсова, претендовавшего на роль первооткрывателя Верлена для русского читателя, отличались большим профессионализмом в подходе к переводам, что отразилось, прежде всего, в формальном построении книг: полноте переводимых сборников, порядке расположения текстов, сохранении или переводе иноязычных (не французских) названий. Книга переводов

Сологуба, ранее публиковавшихся на страницах периодической печати, была выпущена книгоиздательством Д. К. Тихомирова в 1908 году. Издание отличалось субъективным подходом к текстам переводимого автора (стихи выстроены в произвольном порядке, кроме того, самостоятельный статус получили помещенные в книгу варианты переводов).

Современная переводчикам критика не раз сопоставляла подготовленные поэтами сборники, выделяя Брюсова как «первооткрывателя» Верлена и отмечая внутреннюю близость Сологуба к французскому символисту.

В 1918 году Сологуб предложил Брюсову совместить переводы Верлена в едином издании. Реакция Брюсова на это предложение не последовала, тогда Сологуб обратился к А. Н. Тихонову, заведующему издательством «Всемирная литература», отправив вместе с предложением и план книги. Для этого проекта Сологуб, видимо, и готовил переводы Брюсова, внося в них необходимую, по его мнению, правку (гонорар получен 7 февраля 1919 года). Относясь к редактированию собственных поэтических переводов очень настороженно, в текстах Брюсова Сологуб исправляет как стилистически неудачные выражения и авторскую пунктуацию, так и целые строфы. Экземпляр в библиотеке Пушкинского Дома помогает проследить работу над этим замыслом Сологуба.

В § 2.1.2 «Маргиналии на книге “Лунный свет” Г. де Мопассана» восстанавливается история и особенности работы Сологуба над редактированием перевода, готовившегося для издания во «Всемирной литературе».

В период сотрудничества с издательством (1918–1924) были переизданы некоторые опубликованные ранее переводы Сологуба, а также переводы, где он выступал в качестве редактора. Вышли из печати или готовились к изданию произведения Г. Банга, Вольтера, Г. Клейста, В. Гюго, А. Шницлера, М. Метерлинка, Г. де Мопассана и др. Особенно много договоров было заключено с Сологубом на издание Мопассана – романов,

повестей и сборников рассказов («Монт-Ориоль», «Жизнь», «Милый друг» «Пышка», «Пьер и Жан», «Сказки Бекаса», «Иветта и другие рассказы», «М-ле Фифи и другие рассказы» и др.). Впервые они были опубликованы в 1910-х годах издательством З. А. Гржебина «Пантеон» (переизданы в «Шиповнике») в составе Полного собрания сочинений Мопассана; часть переводов принадлежит Ан. Н. и Ал. Н. Чеботаревским и О. Н. Черношвицовой. Переводы были заново просмотрены Сологубом, отредактированы и снабжены вступительными статьями и комментариями. Часть заново подготовленных, построенных на материалах томов, вышедших в «Пантеоне» и «Шиповнике», была опубликована «Всемирной литературой» (см.: Избранные сочинения Г. де Мопассана. СПб., 1919. Т. 2, 5), часть сохранилась в архиве писателя.

Подобно сборнику Верлена, редактирование книги «Лунный свет и другие рассказы» Мопассана в переводе Ал. Чеботаревской осуществлялось по печатному экземпляру (СПб.: Шиповник, 1912), в котором Сологуб и делал исправления. При редактировании писатель не сверял текст с оригиналом, а обращал внимание на неудачные выражения и обороты, т. е. правил текст стилистически.

Пометы на этих изданиях Верлена и Мопассана свидетельствуют о характере работы Сологуба с чужими текстами, главным образом, его рефлексии над стилем и языком, и вместе с тем помогают оценить приспособленность Сологуба к работе в условиях новой литературной действительности и книгоиздательского дела 1918 – начала 1920-х годов.

В § 2.2 «Дарительные надписи в библиотеке Ф. Сологуба» инскрипты на книгах, адресованные писателю, рассмотрены в контексте архивных материалов: с привлечением писем дарителей, черновики Сологуба, а также рукописей других лиц, отложившихся в его архиве. История появления некоторых автографов, а также связанные с ними биографические сюжеты позволяют оценить положение Сологуба среди современников, охарактеризовать круг общения в разные периоды жизни.

Имеющиеся в нашем распоряжении инскрипты распределяются на несколько групп, при выстраивании их по хронологии они отчетливо соотносятся с определенными периодами жизни писателя, указывают на процесс вхождения в литературное сообщество и закрепления в нем, свидетельствуют о постепенном изменении круга общения, литературном окружении, литературной репутации. Среди книг с инскриптами находим автографы не только наиболее известных писателей, но и авторов второго и третьего литературного ряда. Сохранилось большое число инскриптов от соратников по символистскому движению – Андрея Белого, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, З. Н. Гиппиус, Вяч. Иванова, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, Г. Чулкова и др. Однако судя по записям в «Журнале...», первые книги с дарительными надписями, появившиеся в библиотеке Сологуба, – это издания его коллег из учительской среды: сослуживцев по Вытегорской гимназии, преподавателей и членов педагогического совета Андреевского училища (В. И. Ахутина, В. В. Кимменталья, И. А. Порошина, В. И. Чернышева).

Следующая группа надписей – инскрипты литераторов, печатавшихся в «Северном вестнике», а также участников кружка «Вечера Случевского» (В. П. Авенариуса, З. А. Венгеровой, М. Г. Веселковой-Кильштет, З. Н. Гиппиус, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, А. А. Коринфского, М. А. Лохвицкой, К. Н. Льдова, В. А. Мазуркевича, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, П. Ф. Порфинова, П. С. Соловьевой, В. В. Уманова-Каплуновского, Ф. Э. Шперка, И. И. Ясинского и др.). В это время круг знакомств Сологуба неуклонно расширялся, чему немало способствовали организованные им литературные чтения – «воскресенья» (1899–1907), проходившие на его инспекторской квартире в Андреевском городском училище (7-я линия В. О., д. 20).

К началу 1910-х годов литературная слава Сологуба была в зените. В период его частых культуртрегерских поездок по России с лекциями (в 1913–1914 годах – «Искусство наших дней», в 1915–1916 годах – «Россия

в мечтах и ожиданиях») у начинающих писателей в разных частях страны появилась возможность познакомиться с мэтром символизма лично или решиться написать ему письмо. В результате круг литературных связей Сологуба заметно расширился, а библиотека и архив пополнились изданиями и рукописями малоизвестных начинающих авторов.

В 1924 году Сологуб возглавил Ленинградское отделение Всероссийского Союза писателей. Надписи на книгах 1920-х годов свидетельствуют о высоком литературном авторитете писателя в кругу современников, зачастую они включают обращение к нему как к великому поэту и учителю. Таковым он стал для кружка поэтов-неоклассиков (В. В. Смиренского, М. В. Борисоглебского, Л. И. Аверьяновой и др.), а также для некоторых молодых прозаиков – членов Союза писателей.

В архиве Сологуба отложились материалы дарителей – рукописи, письма с просьбами о помощи. Одни из адресантов впоследствии стали известными поэтами, издателями, критиками; другие остались авторами одной-двух книг, или и вовсе никогда не публиковались (А. Э. Беленсон, А. Зиф, Ю. Дроздова, Б. П. Ушков, И. Кудрявцев и др.). Как правило, Сологуб не писал распространенных отзывов и мнений о книгах, и только своих близких знакомых он лаконично благодарил за присылку изданий. В случае же с неизвестными ему авторами письма часто оставались без ответа. Во многом это связано с нелюбовью Сологуба к жанру письма: он предпочитал живой диалог, принимал авторов у себя (см. воспоминания М. В. Талова, Е. Я. Данько и др.).

Яркий пример помощи Сологуба начинающему поэту – рассмотренная в исследовании история участия Сологуба в литературной судьбе В. И. Корехина (псевд. Корин), его сослуживца по вытегорской гимназии. Сологуб всячески способствовал выходу первой книги стихов Корехина («Зарницы»; СПб., 1898): участвовал в отборе текстов, выборе названия, заключении договора с издательством, отправке издания на отзыв.

Если маргиналии писателя на сохранившихся книгах из личной библиотеки Сологуба отразили, главным образом, его пристальное внимание к стилистическому аспекту при редактировании чужих переводов, то дарительные надписи отражают стратегию поведения Сологуба в литературном поле – это особенность библиотеки Сологуба.

В третьей главе «Круг чтения Ф. Сологуба и его отражение в прозе» предпринят анализ круга чтения писателя путем выявления репертуара чтения его персонажей, для этого рассматриваются особенности изображения персонажей-читателей в художественной прозе Сологуба, а также эксплицитно выраженные интертекстуальные связи.

В § 3.1 «Образ читателя и принцип автоцитирования» рассматриваются типы читателей, встречающиеся в произведениях писателя, анализируется характерный для его текстов принцип автоцитирования.

Среди героев, которые говорят что-либо о своих литературных предпочтениях (или о них сообщает повествователь), самую большую группу составляют персонажи, наделенные автором автобиографическими чертами. К ним относятся мальчики-подростки из ранних текстов («Лелька», 1890–1897; «Барышня и босой», 1892), а также герои-поэты из рассказов «Помнишь, не забудешь» (1911) и «Мышеловка» (1913). Устойчивый набор упоминаемых в произведениях Сологуба имен писателей и книг косвенно характеризует его собственный круг чтения (в особенности в ранние годы), соотносится с его высказываниями о литературе, сохранившимися в воспоминаниях современников.

Особое внимание в исследовании уделено автобиографическому рассказу «Лелька», в котором Сологуб поднимает тему народных талантов и судьбы русских писателей, в дальнейшем получившую развитие в его публицистике («Поминание», 1904; «Заметки», 1914 и др.). В черновом варианте рассказа (название – «Маленький поэт») впервые используется

прием цитирования собственных стихов. Впоследствии автоцитирование становится константой поэтики Сологуба.

С «маленьким поэтом» соотносится образ «старого поэта» из рассказа «Мышеловка», в котором прочитывается ироничный взгляд Сологуба на самого себя. Еще более отчетливо автобиографический подтекст проявился в образе поэта из рассказа «Помнишь, не забудешь», с которым сюжетно связано стихотворение «Ирина» (1892). Характерная для поэтики Сологуба взаимосвязь прозаических и поэтических текстов (создание рассказа по мотивам стихотворения, и наоборот) поддерживается на страницах прозы частым автоцитированием («Смерть по объявлению», 1907; «Путь в Дамаск», 1910 и др.).

В § 3.2 «Репертуар чтения персонажей и принцип творческой переработки» продолжена реконструкция круга чтения Сологуба через репертуар чтения героев в его прозе, и предпринят анализ особенностей использования «чужого» текста в произведениях писателя.

В этой части работы использованы высказывания Сологуба о литературе и упоминания писателей, встречающиеся в его художественной прозе и публицистике. Анализ высказываний помогает эксплицировать взгляд писателя на литературный круг, литературный процесс и его собственное место в современной литературе. Сологуб, как правило, не называет ни модернистских изданий, ни поэтов-современников (за исключением К. Бальмонта, З. Гиппиус и И. Северянина), не вступает в рассуждения об их поэзии. Всячески противопоставляя себя современным и популярным поэтам, писатель иронически высказывается о читательской любви ко всему модному.

Неоднократно обвинявшийся критикой в плагиате, Сологуб заявлял о своем взгляде на творческий процесс как заимствование «чужого», что, как он утверждал, свойственно всем гениальным писателям. Среди персонажей Сологуба выделяются герои, которые пересказывают, переделывают чужие тексты, и тем самым дают им свою творческую интерпретацию, отражая

особенности чтения и восприятия художественного процесса самого писателя.

Так, тексты из «Нового и полного собрания российских песен...», составленного М. Д. Чулковым (1780–1781; переизд. – 1913), неоднократно были использованы Сологубом в рассказах и романах («Мелкий бес», «Барышня Лиза», «Слаще яда»), оставленные в первоизданном виде или же переделанные в зависимости от нужд конкретного произведения. Песенник Чулкова послужил одним из источников при создании ряда поэтических текстов для сборника «Свирель» и стихотворений 1926 года. В рассказе «Шаня и Женя» (1897), ставшем основой романа «Слаще яда» (1912), героиня поет, *«соединяя свои слова с куплетами старой песенки из чулковского сборника»*.

Сологуб использует отдельные образы и мотивы из произведений других авторов в различных вариациях. Например, в рассказе «Мечта на камнях» (1912) появляется образ принцессы Турандины, заимствованный из публикации в «Журнале министерства народного просвещения». На это указывает сам писатель в рассказе, близком к «Мечте на камнях» по времени написания, – «Турандина» (1912).

Источник может быть назван в тексте разными способами. Например, в рассказе «Звериный быт» (1912) злоумышленник хочет избавиться от мальчика Сережи тем же методом, о котором сообщает повествователь, отсылая к «рассказу знаменитого заграничного писателя» (рассказ и автор при этом не названы); в «Сказке гробовщицкой дочери» (1915), героиня пересказывает сказку персидского автора З. Нехшебия «О некоем купце и о том, как цирюльник избил браминов», интерпретируя ее в соответствии с авторским замыслом, в самом тексте при этом дано почти полное библиографическое описание книги, из которой она извлечена. В романе «Творимая легенда» Триродов «подсмотрел» способ преодоления земного тяготения в романе Г. Уэллса.

Называние сюжетных источников непосредственно в текстах произведений является еще одной характерной особенностью поэтики Сологуба. С одной стороны, оно служило превентивной мерой, ограждающей писателя от обвинений в плагиате. Так, после скандала, сопровождавшего публикацию рассказа «Снегурочка» (1908; он был написан на основе сказки Н. Готорна «Снежная кукла»), в 14 томе собрания сочинений (1913) Сологуб добавил примечание к тексту со ссылкой на Готорна. С другой стороны, экспликация источника была открытым заявлением своей позиции: чужое произведение может служить таким же законным художественным материалом для творчества, как и любые другие элементы действительности.

В § 3.3 «О некоторых случаях скрытой полемики (Л. Н. Толстой и А. П. Чехов)» рассматривается отношение Сологуба к творчеству писателей, получивших самое широкое признание у современников.

Рефлексия Сологуба нашла выражение как в художественной прозе, так и в публицистике – в прямых и скрытых отсылках к произведениям Толстого и Чехова. Вопрос о пересечениях Сологуба с Толстым уже не раз рассматривался исследователями (в работах В. А. Келдыша, М. М. Павловой, Д. В. Верташова), однако аспект темы, связанный с принципами переработки «чужого слова», до настоящего времени не изучался. В фокусе нашего внимания находилась инсценировка «Войны и мира», выполненная Сологубом совместно с Ан. Н. Чеботаревской (подзаголовок – «Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом»; 1912). Идея переработок классической прозы в драматические произведения была близка Сологубу, однако ряд деталей свидетельствует, что инициатором «Картин...» и основным составителем текста был не он, а Чеботаревская. Драма построена согласно принципам, характерным для драматургии Сологуба. При этом финал инсценировки, несмотря на заявления автора о том, что он не смел «присочинить свое», отступает от текста Толстого и явно отсылает к драматическим произведениям Чехова.

Собранные вместе и проанализированные аллюзии Сологуба на произведения Чехова, а также упоминания его имени в публицистических и художественных текстах убеждают в важности фигуры Чехова в художественном сознании Сологуба. Постоянное возвращение к Чехову свидетельствует не только о сопротивлении автора «Мелкого беса» постулату чеховской «философии надежды», но и о несогласии с ним в вопросе творческого метода. Вписав Чехова в круг литературы, следующей толстовской традиции, Сологуб в своих текстах полемизировал одновременно с обоими авторами.

Назвав в романе «Мелкий бес» рассказ «Человек в футляре», писатель задал вектор восприятия собственной прозы, однако современными Сологубу критиками этот жест не был отрефлексирован в полной мере: сравнение с Чеховым, как и с другими писателями реалистического направления, проводилось исключительно в плане содержания романа (социально-бытовая сатира). Между тем на страницах прозы Сологуба разворачивается спор с чеховской формой повествования. В результате анализа рассказа «Смутный день» (1912), персонажи которого открыто спорят с идеями Толстого, установлено, что этот рассказ в большей степени является полемическим по отношению к Чехову, чем к Толстому, как в подходе к теме смерти, так и во взгляде на всезнающего повествователя.

Мы выявили, что в ряде произведений Сологуба на уровне поведения персонажей-читателей дублируется его авторская стратегия в освоении и переработке «чужого слова». При этом как в использовании текстов других писателей в своих произведениях, так и в авторских переработках наблюдается полемическое переосмысление художественного материала.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, работа над которым позволила установить статус библиотеки Сологуба, определить принципы подготовки ее будущей реконструкции, уточнить и охарактеризовать его состав. Выявлены характерные особенности Сологуба-

читателя, уточнен ряд биографических деталей, связанных с его литературными контактами; проанализированы рассказы писателя, в которых герои-читатели наделены автобиографическими чертами, выявлен дополнительный и ранее неучтенный исследователями материал для характеристики круга чтения Сологуба и способов творческого использования и переработки им чужих текстов.

Дальнейшее изучение библиотеки Ф. Сологуба целесообразно продолжать, прежде всего, в направлении расширения историко-литературного контекста, более подробного аналитического сопоставления книжного собрания Сологуба с библиотеками писателей-современников (в особенности, А. Блока и В. Брюсова). Исследование дарительных надписей на книгах владельцев позволит расширить представления о литературном процессе, о книгоиздании и распространении книг.

Особого внимания заслуживает изучение интертекстуальных связей и способов трансформации Сологубом чужих текстов. Немаловажным представляется более широкое обращение к темам «Сологуб и русская литература» и «Сологуб и западноевропейская литература», а также к прямым и имплицитным высказываниям писателя о словесном искусстве, художественном творчестве и литературном процессе, которые позволят глубже проникнуть в его творческую лабораторию, объяснить стратегии его поведения в литературном сообществе.

В Приложении «Книги с дарительными надписями, принадлежавшие Ф. Сологубу, и дарительные надписи Ф. Сологуба (материалы к указателю)» собраны инскрипты, обращенные к Сологубу, Ан. Н. Чеботаревской, О. К. Тетерниковой и другим лицам, оказавшиеся в числе книг с инициалами «Ф. С.», а также ответные дарительные надписи писателя, находящиеся в государственных и частных собраниях, как известные по различным источникам, так и ранее неопубликованные (511 – Сологубу, Ан. Чеботаревской и О. К. Тетерниковой; 160 – от Сологуба

другим лицам). Свод дарительных надписей дополняет сведения описания, подготовленного Н. Н. Шаталиной, объединяя различные источники.

Результаты диссертационного исследования представлены в следующих публикациях в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Ф. Сологуб – редактор в издательстве «Всемирная литература» // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 416. С. 24–29.
2. Переписка Ф. Сологуба с издательством «Всемирная литература» (1918–1924) // Русская литература. 2018. № 2. С. 211–237.
3. Круг чтения героев Ф. Сологуба как форма саморепрезентации. «Автобиографические читатели» // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 440. С. 29–34.
4. Полемика Ф. Сологуба с реализмом (Ф. Сологуб и А. П. Чехов) // Slověne. 2020. Vol. 9. № 1. С. 113–130 (в печати).

Другие публикации:

5. Дополнения к описанию библиотеки Ф. Сологуба // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 710–732 (Новое литературное обозрение. Науч. прил.; вып. 152).
6. «Соединение наших переводов могло бы быть полезно» (Ф. Сологуб и В. Брюсов в работе над переводами П. Верлена) // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2016. Вып. 4. С. 131–140.
7. К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н. С. Гумилева // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма) / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2017. С. 405–450.
8. Трансформации претекста: «Война и мир» в 1912 году (инсценировка Ф. Сологуба по роману Л. Н. Толстого) // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма) / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2017. С. 377–386.